

К. ЧУКОВСКИЙ

Малиновые костры

Международная премия «Этна-Таормина» — одна из крупнейших литературных премий в Италии.

На этой неделе первая премия «Этна-Таормина» была вручена советской поэтессе Анне Ахматовой «за пятидесятилетие поэтической деятельности и в связи с недавним изданием в Италии сборника стихов». Пришло и другое сообщение: Оксфордский университет присвоил А. А. Ахматовой почетную степень доктора филологии.

В эти дни во мне особенно громко звучат классически четкие, прозрачные строки Анны Ахматовой, созданные ею за полвека мудрой работы над словом. Любить ее поэзию я привык с давних пор, и она давно уже сопутствует мне на всех путях и перепутьях моей жизни.

Переживая молодую стихийную радость при первом дуновении еще далекой весны, я не могу не повторять вслед за Анной Ахматовой:

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И теплый ветер нежен и упруг.
И легкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
И песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.

А в лютую стужу в морозном Ленинграде, увидя на улице пламя костров, я не могу не сказать о них словами Ахматовой:

И малиновые костры,
Словно розы в снегу, цветут.

Вообще весь Ленинград — со всеми своими площадями, каналами-реками — так тесно сжился в моей памяти со стихами Ахматовой, что для меня, как и для многих читателей, Ленинград неотделим от нее.

Прощаясь с Ленинградом в суровые дни войны, Анна Ахматова имела гордое право сказать городу, воспетому ею:

Разлучение наше мнимо:
 Я с тобою неразлучима,
 Тень моя на стенах твоих,
 Отраженье мое в каналах,
 Звук шагов в Эрмитажных залах,
 Где со мною мой друг бродил,
 И на старом Волковом поле,
 Где могу я рыдать на воле
 Над безмолвьем братских могил.

Стихи у нее кованые, сработанные раз навсегда. Когда появились первые ее книжки, меня, я помню, больше всего поразила именно эта конкретность, предметность ее речи, осязаемость всех ее зорко подмеченных и искусно очерченных образов.

Немногословно и сдержанно выражает она свои чувства. Благородный лаконизм ее стиля сближает ее с Боратынским и Тютчевым. Один какой-нибудь еле заметный микроскопический образ так насыщен у нее большими эмоциями, что он один заменяет собой десятки патетических строк. В сущности, ее стихотворения очень часто бывают новеллами, повестями, рассказами со сложным и емким сюжетом, который приоткрывается для нас на минуту одним каким-нибудь намеком, одним многоговорящим незабываемым образом.

Этот лаконизм поэтической речи, эта конкретность, осязаемость, вещественность образов, это пристрастие к четкому, чеканному образу, эта непростая простота языка, доступная лишь большим мастерам, — все это резко отличало Ахматову от поэтов предыдущей эпохи, которые тяготели к расплывчатым символам, к туманным и зыбким абстракциям. Ахматова вернула поэзию к пушкински-ясному видению мира, преодолев туманы, миражи и марева поэтов предыдущей эпохи.

В начале творческой жизни ее огромный музыкально-лирический дар сказался главным образом в любовных стихах. Здесь власть ее лирики была беспредельна. Молодежь двух или трех поколений влюблялась, так сказать, под аккомпанемент стихотворений Ахматовой, находя в них воплощение своих собственных чувств. Эти стихи Ахматовой принято по непонятной причине называть интимными, камерными, как будто любовь

не всечеловеческое, не всенародное чувство, как будто существуют сердца, не захваченные ею, не подвластные ей. Сквозь все любовные стихотворения Ахматовой проходит мечта о любви как о чистом, возвышенном чувстве:

Ведь где-то есть простая жизнь и свет
Прозрачный, теплый и веселый...
Там с девушкой через забор сосед
Под вечер говорит, и слышат только пчелы
Нежнейшую из всех бесед.

И всегда ее поэзия питалась, даже в первоначальных стихах, чувством родины, болью о родине, мечтою о том,

Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

Эта тема звучит в ее поэзии все громче, так как Анна Ахматова давно уже встала лицом к лицу с широкими, вселенскими темами, к которым привела ее мировая история. О чем бы она ни писала, всегда в ее стихах ощущается упорная дума об исторических судьбах страны, с которой она связана всеми корнями своего существа. Ей не нужно было ничего забывать, ни от чего отрекаться, ей не приходилось преодолевать в себе какие-нибудь закоренелые навыки, чтобы во время войны, в самое мрачное время кровавого разгула врагов, создать с обычным своим лаконизмом бодрящие и вдохновляющие строки. Их напечатала в те дни «Правда»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Торжественные, величавые строки, которые могли зародиться лишь в торжественной и величавой душе.

Я познакомился с Анной Ахматовой в 1912 году — больше полувека назад. Помню ее тоненькой, похожей на робкую девочку, и могу засвидетельствовать, что уже тогда, в годы ее первых стихов, во всем ее облике была величавость.

И сейчас — через горы времени — я хотел бы собрать всю свою задушевность и нежность, всю свою способность любить, благодарить, восхищаться, чтобы всенародно приветствовать Анну Андреевну.

